

ПРОБУЖДЕНИЕ СЕЛА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В МОДЕ, ПРОДУКТОВОЕ ЭМБАРГО И МНОГОМИЛЛИАРДНЫЕ ГОСДОТАЦИИ — ДОСТОЙНЫЕ ПРИЧИНЫ, ЧТОБЫ АГРАРНАЯ СКАЗКА СТАЛА БЫЛЮ. ПЛОДЫ УЖЕ ЕСТЬ, НО САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ ИЗ НИХ ПРИНЕСЛИ ИНВЕСТИЦИИ В КРУПНЫЕ АГРОХОЛДИНГИ, СДЕЛАННЫЕ ЕЩЕ ЗАДОЛГО ДО САНКЦИЙ. В ЦЕЛОМ ЖЕ ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО ЧЕМ ПОЛНЕЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ, ТЕМ БОЛЬШЕ УБЫТКОВ У РОССЕЛЬХОЗБАНКА. МАРИЯ ШЕР

«Славная осень! Здоровый, ядреный воздух усталые силы бодрит», — заверял Дмитрий Медведева год назад тогдашний министр сельского хозяйства Николай Федоров. Словами Некрасова министр внушал премьеру, что сельское хозяйство к импортозамещению готово, нужны только вера в себя и 600 млрд руб. госдотаций. В этом году уже новый министр Александр Ткачев докладывает, что для полного, тотального импортозамещения еды нужно еще четыре года — к 2020-му в России вырастят все, кроме бананов и устриц. Но только если не снимать эмбарго и дать сельскому хозяйству триллион.

За дотации Минсельхозу есть чем отчитаться. В этом году рекордный урожай пшеницы (третий в новейшей истории) и картошки накопили почти на 7% больше, чем в прошлом году. Кроме того, выросло производство высококачественного мяса, и этим, по большому счету, список успехов исчерпывается.

На самом деле ни продуктивное эмбарго, ни госвливания к большинству из этих успехов никакого отношения не имеют. Пшеница и картошка выросли не только в России, но и в Европе — тому способствовала главным образом погода. По этой же причине, кстати, уродились виноград, подсолнечник и соя. А рост показателей мясной отрасли — это результат инвестиций, сделанных задолго до того, как прозвучало слово «санкции».

ЛОКОМОТИВЫ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

«Мираторг», «Черкизово», «РусАгро» — все эти и другие действительно впечатляющие истории успеха начались в середине нулевых или раньше, и сейчас, благодаря заложенной базе, они развиваются. «В отличие от большинства других компаний, прежде всего мелких и средних, крупные холдинги в этом году нарастили инвестиции в полтора-два раза», — рассказывает директор центра анализа «СовЭкон» Андрей Сизов. Результаты соответствующие: у «Черкизово», к примеру, производство свинины составило 200 тыс. т в живом весе против прошлогодних 178 тыс., а чистая прибыль за первые три квартала, по данным отчета компании, увеличилась на 238,54%. Настоящим прорывом на сельхозрынке стал запуск производства мраморной говядины «Мираторгом» в Брянской области, на развитие которого с 2010 года холдинг привлек более 32 млрд руб. инвестиций. Совокупное поголовье крупного рогатого скота «Мираторга» выросло до 315 тыс. голов — это самое большое в Европе стадо.

Растет и относительно новый для России сегмент производства индейки — ростовский холдинг «Евродон» увеличил выпуск этой птицы в 3,4 раза по сравнению с прошлым годом, до 150 тыс. т в год. К индейке присматривается и «Черкизово»: компания уже запустила инкубатор на 240 млн яиц, который назвали крупнейшим проектом импортозамещения в России. Первая партия птицы поступит в продажу в начале 2016-го.

Но даже с этими локомотивами заполнить лакуны, образовавшиеся в результате продуктового эмбарго, российским производителям не удалось. По данным Центробанка, предложение говядины на рынке в итоге сократилось, как и предложение сливочного масла, рыбы и овощей, а в плюс удалось выйти только по мясу птицы, свинине и картофелю. Объяснение этому плюсу искать нужно также в нулевых: в силу короткого срока окупаемости птица и свинина стали первыми секторами в сельском хозяйстве, куда пришли инвестиции, и здесь на полное самообеспечение Россия вышла уже к 2010-м годам.

Среди аутсайдеров сельского хозяйства вновь оказалась молочная отрасль — она падала в течение четырех лет, и введение специальных экономических мер добило ее окончательно. В прошлом году чиновники только и говорили, что о приоритете молочной отрасли, ее значении

для импортозамещения, и обещали ей золотые горы, ведь из-за продуктового эмбарго освободилась почти четверть рынка. Но год спустя оказалось, что наращивать обороты в производстве молочных продуктов просто не из чего — в стране остро не хватает молочного сырья, рассказывает исполнительный директор Национального союза производителей молока «Союзмолоко» Артем Белов. «Из-за этого дефицита объем фальсификата вырос до 10–15%. Под видом масла продают спред, вместо сыра — сырный продукт», — поясняет эксперт. Сократилось и обещанное во время принятия федерального бюджета финансирование — с 25 млрд до 14 млрд руб. Незначительный (на 2%) рост показали фермерские и крестьянские хозяйства и сельскохозяйственные организации (СХО). Но половина поголовья крупного рогатого скота находится в хозяйствах населения, где как раз и зафиксирован наибольший спад. «Их включают в рыночные цепочки на дискриминационных условиях, заводы и перерабатывающие предприятия скупают продукцию хозяйств населения по очень низкой цене. Людям становится невыгодно этим заниматься, и они сокращают производство», — рассказывает директор Центра агропродовольственной политики института прикладных экономических исследований РАНХиГС Наталья Шагайда. В результате рост СХО не может перекрыть падение показателей хозяйств населения, а фермеры, хоть и выразили заинтересованность в госдотациях, все равно производят слишком мало в масштабе страны.

ЗАМЕЩЕНИЕ НА УБЫТКИ

За три квартала этого года Россельхозбанк получил рекордный по меркам российского банковского рынка убыток — почти 70 млрд руб. Тем не менее ежегодное увеличение уставного капитала этой финансовой организации в рамках государственной программы развития сельского хозяйства продолжится, в общей сложности оно может составить 80–100 млрд руб. Об этом заявил на расширенном заседании правления

РСХБ председатель его наблюдательного совета министр сельского хозяйства РФ Александр Ткачев. Эти убытки и есть в значительной степени цена импортозамещения.

Даже на фоне масштабных программ господдержки, которые начались в прошлом году и продолжатся в следующем (на субсидии и гранты производителям АПК государство выделяет сейчас по 237 млрд руб. в год), задолженность сельского хозяйства — одна из самых высоких в экономике. «Общий долг АПК банковским организациям и кредиторам составляет более 1,4 трлн руб. В первую очередь это долги Россельхозбанку — по хорошему ему надо бы избавляться от плохих активов», — полагает главный редактор журнала «Агроинвестор» Николай Лычев.

Плохие долги образуются по причине низкой доходности сельского хозяйства — в среднем она составляет 10–15%, а в условиях растущих цен и падения платежеспособного спроса рентабельность многих направлений продолжает снижаться. Сельское хозяйство зависит от импорта больше, чем кажется на первый взгляд: технику, семена, корма, даже некоторые биоматериалы — все везли из-за границы. К тому же снизился спрос. «Оборот розничной торговли продовольственными товарами падает — в январе он составлял 95% к аналогичному прошлогоднему показателю, в феврале — 92%, в октябре — 89%», — поясняет Наталья Шагайда. Об успехах в импортозамещении в таких условиях, конечно, говорить легче: вроде бы и в этом сегменте у нас спрос удовлетворен, и в том, а на самом деле люди просто стали покупать меньше еды, вот и все удовлетворение спроса.

Наконец, если одними мерами государство пытается спасти агропромышленность, то другими подчас сводит усилия на нет. Так, например, негодование производителей зерна вызвало введение с июля этого года пошлины на экспорт пшеницы — 50% цены за тонну минус 5,5 тыс. руб. Россия стала единственной развитой страной, в кото-

рой регулируют цену на зерно. С точки зрения производителей зерна, рационального объяснения такому шагу нет, экспортный потенциал пшеницы превышает 30 млн т, внутренний спрос вполне удовлетворен. (Зато, правда, введению пошлины радовались животноводы, получившие большие объемы дешевых кормов.)

Ударит по аграриям и расширение системы электронной ветеринарной сертификации; раньше ей подлежало только сырое молоко, а в ближайшее время подвергнутся практически все продукты, содержащие «хоть один компонент животного происхождения». «Это повысит производственные затраты на 5–7% от себестоимости, — сокрушается Артем Белов и продолжает: — Добавьте к этому экологические сборы, штрафы за перегруз грузовиков, ограничение движения 12-тонников, которое удорожит продукцию еще на 1–1,5%».

Да и господдержка многим аграриям не кажется манной небесной. «Чем государство помогает? — негодовал еще в июльском интервью нашему журналу известный подмосковный производитель клубники директор совхоза имени Ленина Павел Грудинин. — Кредитами под 26% годовых. Да и то этим поддерживают скорее уполномоченные кредитовать село госбанки, которым через сложные схемы государство возмещает 15% из этих 26%».

Тем не менее без государственной помощи аграриям не прожить. С одной стороны, это нормально: сельское хозяйство дотируется государством в большинстве развитых стран. Но в России этот рынок слишком молодой, и эксперты опасаются, как бы господдержка неожиданно ставшего модным сельского хозяйства не сыграла с аграриями злую шутку. «Сельское хозяйство крепко и прочно подсаживается на государственную поддержку, частные инвестиции у малых и средних компаний снижаются — у производителей все больше преобладают иждивенческие настроения», — отмечает Николай Лычев. ■

«КОММЕРСАНТЪ. ДЕНЬГИ» 21 ДЕКАБРЯ 2015 ГОДА

ИЗ-ЗА ПРОДУКТОВОГО ЭМБАРГО ОСВОБОДИЛАСЬ ПОЧТИ ЧЕТВЕРТЬ РЫНКА МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ, НО ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО НАРАЩИВАТЬ ОБОРОТЫ В ИХ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОСТО НЕ ИЗ ЧЕГО — В СТРАНЕ ОСТРО НЕ ХВАТАЕТ МОЛОЧНОГО СЫРЬЯ